

Внизу, в доме семьи Ма.

Матушка Доумяо, потирая сыну спину, не умолкая, бранилась: — Говорят, парней нужно закалять, иначе из них хозяев не выйдет, но больше я этих старых дурней слушать не стану! Если кто еще хоть раз вздумает сманить моего сына в горы — не поздоровится!

Она с силой прошлась влажным полотном за ушами мальчика, оттирая присохшую грязь: — Ты тоже хорош, сорвиголова! Встретили Медведя-слепыша, так надо было со всех ног вниз бежать, а вы еще смели по лесу шататься! А если бы зверь тебя задрал, как бы ты потом матери в глаза смотрел?

Голос её дрогнул, переходя в плач.

«Видит небо, как я извелась от страха, когда услышала, что дети пропали»

— Матушка, мы тогда так перепугались, что бежали не разбирая дороги. Даже если бы и захотели спуститься, то просто не нашли бы пути. Нам втроем только и оставалось, что упрямо идти на север, — не сдавался Доумяо. — А когда немного отошли, подумали: раз уж всё равно забрели в такую глушь, почему бы не рискнуть? Говорят же, что богатство ищется в опасности. Если всего бояться, то когда в кармане ни гроша не останется, только и будешь жалеть, что не попробовал!

Женщина вспыхнула: — Когда это я оставляла тебя без гроша в кармане?!

— Да ведь вы с батюшкой каждый день спины не разгибаете, всё пытаетесь мне побольше серебра скопить. Из-за того, что бабушка к отцу несправедлива, ты с тяжелым животом и в поле работаешь, и по дому хлопочешь. Вы же по ночам от забот уснуть не можете, всё шепчетесь, а я всё слышу. Бойтесь, что в округе мясников слишком много стало и мне потом на кусок хлеба не заработать.

Подросток обернулся к матери, сияя от радости: — В этот раз я пошел в горы именно за деньгами. Пока бы не нашел — не вернулся бы. Я уже всё решил: сейчас буду у отца мастерству учиться, а года через два поеду в город, сниму лавку и стану сам скотину закупать да мясо продавать! На этом можно очень хорошо выручить!

Матушка Доумяо замерла: — Ты... ты когда это всё надумал?

Сын гордо выпятил грудь: — Брат Чэн подсказал. Я несколько дней размышлял и понял — дело верное!

— Доумяо!

В эту минуту в сарай тяжело дыша ворвался Мясник Ма. В руках он держал корзину, всё еще перепачканную лесной землей.

— Ма Доумяо, откуда это в твоей корзине?!

Даже вечно суровое лицо мужчины сейчас исказилось от крайнего изумления.

— Корень? Какой корень?

Хозяйка дома бросила тряпку и подбежала к мужу. В корзине лежали два аккуратно уложенных корня дикого женьшеня! Пусть она не разбиралась в сортах, но знала твердо: такая вещь дешево стоить не может.

— Доумяо! Неужто и впрямь ты корень пригласил?

Мальчик с важным видом усмехнулся: — Не зря же я в горах сутки пропадал!

Его мать едва не запрыгала от восторга. Дрожащими руками она приподняла край корзины: — Отец Ма, гляди скорее: что за корни? Сколько за них дадут?

Голос Мясника Ма гремел от волнения: — Один Три цветка, один Эрцзяцзы... Никак не меньше десяти лянов выйдет.

— Сколько?! Десять лянов?!

Женщина едва не лишилась чувств. Она несколько раз хваталась за сердце, прежде чем смогла прийти в себя, и радостно толкнула сына в плечо: — Ах ты, ослиная голова! А ведь и впрямь не промах оказался!

Доумяо и сам опешил. Десять лянов... Сколько же его отцу нужно забить кабанов, чтобы выручить такие деньги? Это же сколько сил батюшка сможет сберечь!

Придя в себя после толчка, он посмотрел на родителей и честно признался: — На самом деле я только Три цветка выкопал. А второй корень мне отдали брат Чэн и Горшочек!

Он вовремя прикусил язык, не став рассказывать, какая невероятная удача сопутствует младшему. Доумяо обещал Вэй Чэну не болтать о том, что видел в горах, а значит — даже родителям ни слова! Верность слову — прежде всего.

Улыбка на лице матери застыла. Она потянулась к корзине: — Эти дети наверняка в ценах не смыслят. Чужого нам не надо. Пойду, верну им корень!

— Матушка, стой!

Доумяо вскочил из чана с водой и схватил её за руку: — Они сами мне его отдали! Брат Чэн во всём разбирается, он мне эти два корня сам выкапывал, по крупице землю разгребал, чтобы ни одного волоска не повредить. Когда мы тот корень нашли, рядом еще один был, побольше. Брат Чэн сказал — раз мы вместе были, значит, и добыча общая, и отдал мне этот Эрцзяцзы!

Матушка Доумяо посмотрела на него с сомнением: — Правду говоришь?

— Чистую правду! Стал бы я тебе лгать?

— А сколько же тогда Вэй Чэн с братом себе накопили? — как бы невзначай спросила женщина.

Но сын лишь замахал руками: — Не скажу! Я обещал Чэну, что про горы — ни слова. Я человек слова!

Она притворно рассердилась: — Ах ты, осленок! Я мать твоя, разве я «чужая»?

— Ладно тебе, — прервал её Мясник Ма. — То, что сын верность слову хранит — это хорошо. Раз обещал не говорить, пусть молчит, нечего в чужие дела лезть.

Матушка Доумяо рассмеялась: — Да разве я со злым умыслом? Вовсе не завидую я сиротам, просто любопытно стало, сколько же они нашли, раз такой дорогой корень нашему Доумяо отдали.

— Нечего попусту любопытствовать.

Мясник Ма смотрел на два свежих корня в корзине. Стебли, шейки — всё было на месте, ни одной царапинки на теле, даже самые тонкие отростки извлечены в целости. Каким же терпением и твердой рукой нужно обладать, чтобы так мастерски выполнить работу.

Он вздохнул: — Радоваться надо. Вэй Чэн и Горшочек искренне любят нашего сына.

Глубоко в горах Маоси.

Чжоу Лаолю, высоко подняв факел, тяжело дыша, огляделся по сторонам. Он с трудом сглотнул: — Старик Мэн... Мы что, на призрачную стену наткнулись? Сколько часов уже кружим, а всё с этого места уйти не можем!

Лицо предводителя было мрачнее тучи: — Какая еще стена? Я в этих горах столько лет охочусь и отродясь про такое не слыхивал!

— Старик, бросим это дело. Весь день ищем. Видать, тот корень и впрямь за сто лет разум обрел — сбежал!

Охотники за его спиной едва держались на ногах. Утренний запал и жажда наживы давно сменились изнуряющей усталостью и страхом.

— Разум обрел? — Старик Мэн сплюнул на землю. — Столетняя трава — она травой и остается!

Вдалеке послышался волчий вой. Цянцзы и остальные в ужасе попятились: — Хозяин, довольно! Жизнь дороже денег! Давайте найдем место поспокойнее да заночуем!

— Да, да! Пойдемте скорее, место здесь нехорошее, жуткое!

Видя, что люди вот-вот разбегутся, Мэн понял: в этой глуши один он не сдюжит. Он с яростью швырнул палку на землю: — Проклятье!

«Как же так? Куда мог деться тот корень? — он в бешенстве сжал кулаки. — Неужели кто-то выкопал его раньше? Но кто?»

Мысль о том, что плоды его долгих поисков достались кому-то другому, приводила его в бешенство. Он собрал столько людей, чтобы окружить и пригласить сокровище, но этот проклятый медведь спутал все карты!

Под покровом ночи кучка людей поспешно и жалко ретировалась с этого склона.

Вэй Чэн и Горшочек выспались на славу.

Пусть на крыше почти не осталось соломы и ночной ветер свободно гулял по хижине, плотные одеяла не дали детям замерзнуть.

Горшочек со звонким бульканьем прополоскал рот и, закончив утренние дела, прибежал к брату с баночкой бальзама: — Надо натереться ароматным!

Последние два дня в доме Доумяо он этого не делал — маленький мужичок боялся, что Ланьшэньцзы станет над ним подшучивать. Старший отложил свои дела и повернулся к нему: — Закрой глаза.

Малыш послушно зажмурился, крепко сжав кулачки. Бальзам был нежным и легко ложился на кожу. Вскоре личико ребенка засияло чистотой и стало источать тонкий аромат.

— Ну вот, снова стал маленьким ароматным мужичком, — Вэй Чэн шутиливо щелкнул его по носу.

Тот довольно похлопал себя по щекам и выхватил баночку: — Теперь Горшочек будет братика мазать!

Юноша попытался уклониться: — Оставь себе, мне ни к чему.

— Братик должен пахнуть так же хорошо, как Горшочек!

Малыш зачерпнул пальчиком немного белого крема и мазнул Вэй Чэна над верхней губой. Он прикрыл рот ладошкой и весело рассмеялся: — Теперь у братика белая борода!

Вэй Чэн не стал стирать крем, лишь улыбнулся: — Вот как? Значит, с бородой я стал стариком. А раз я старик, то скоро не смогу носить тебя на руках.

— Почему не сможешь? — Горшочек перестал смеяться.

Брат на мгновение задумался: — Помнишь Серыша и его мать, старую волчицу? Она была слишком стара. Настолько, что не могла охотиться и заботиться о сыне. У неё даже не было сил, чтобы загрызок его прикусить.

Малыш нахмурился: — Не хочу, чтобы братик был старым.

Он со всех ног бросился к печи, где Вэй Чэн оставил семена женьшеня и волосок, упавший с Семилистника. Бережно принес их в ладошках, а следом притащил и корзину с тремя корнями.

— На, братик, ешь! — торжественно провозгласил он.

Он со знанием дела указал на корни: — Скушай это — и станешь бессмертным!

«Бессмертным? И впрямь, пора этому сорванцу больше книг читать»

Вэй Чэн стер крем с губ и размазал его по ладошке брата: — В книге «Дни рождения старых и малых» сказано, что рождение, старость, болезни и смерть — это естественный ход жизни. Даже если когда-нибудь я состарюсь, это не страшно, ведь я всегда буду думать о тебе и заботиться.

Видя, что тот всё еще хмурится, он пошел на уступку: — Хорошо, я съем. Те семена и золотой волосок я продавать не буду — приберегу для себя, идет?

Горшочек сразу повеселел: — Идет!

Пока малыш убежал играть с Сингэром, юноша принялся собирать вещи для поездки в город. Он оглядел шаткую дверь и пустую комнату. Подумав, он спрятал семена, волосок и горшочек с деньгами в свою дорожную корзину. А вот старую черепную плошку на окне трогать не стал — вряд ли кто-то обратит внимание на такую невзрачную вещь.

Дом был пуст и разорен, а всё ценное — при себе, так что Вэй Чэн со спокойной душой повел брата к семье Ма за ослиной повозкой.

Он надеялся уехать пораньше, чтобы успеть продать корень и накормить Горшочка завтраком в городе, но матушка Доумяо тут же сунула им в руки две горячие луковые лепешки: — Ешьте в дороге, негоже на пустой желудок ехать!

Малыш, смешно перехватывая пальчиками горячее тесто, не забыл вежливо поклониться: — Спасибо, тетушка!

Видя это, женщина поспешно принесла чистый кукурузный лист, чтобы обернуть угощение: — Вот так держи, не обожгись.

Горшочек подул на еду, откусил кусочек, и его щеки тут же надулись. Глаза ребенка довольно сощурились: — Как вкусно!

Матушка Доумяо готова была отдать им всю корзину лепешек, и Вэй Чэну пришлось поспешить. Женщина еще долго кричала им вслед: — Возвращайтесь скорее, я вам еще оставлю!

В дороге Горшочек, устроившись на своей циновке рядом с братом, отрывал маленькие кусочки лепешки и кормил его. На каждый укус он приговаривал: «Умничка», подражая ласке старшего, и всю дорогу весело болтал ножками.

Небо едва посветлело, когда они добрались до города. На улицах было почти пусто. Вэй Чэн уверенно направил повозку к воротам аптеки «Зал Цзиминь».

По счастливой случайности им снова открыл тот самый аптекарский мальчик. Увидев знакомых, он сначала замер, а потом широко улыбнулся: — Не виделись-то всего ничего, а вы оба заметно подросли!

Он поспешил впустить их внутрь и, прикрыв дверь, зашептал: — Снова лягушки? Только учти, весной и летом они не так ценятся, много не выручишь.

— Не лягушки, — отозвался юноша.

Летом лягушек в лесу ловить трудно, не то что зимой в реке, так что он об этом и не думал.

Мальчик удивился: — А что же?

Вэй Чэн достал три свертка, обернутых мхом и землей: — Дикий женьшень. Прошу, позовите Управляющую Чжун, пусть посмотрит.

— Женьшень?

Помощник не выказал такого восторга, как при виде лягушек, лишь кивнул: — В последнее время многие приносят корень. Наша хозяйка уже немало приняла.

Он проводил их в зал и ушел за занавес. Вскоре появилась Управляющая Чжун. Сегодня её прическа была уложена по-взрослому, как у замужней дамы, но взгляд оставался таким же теплым и приветливым.

Они уже были добрыми знакомыми, так что лишних расспросов не последовало. Женщина, улыбаясь Горшочку, принялась разворачивать мох. И тут же ахнула: — Ого! Четырехлистник? И Трехлистник? Какой старый мастер их выкапывал? Такая тонкая работа!

Она с нескрываемым удовольствием осмотрела корни: — У этого Четырехлистника сорок три кольца на шейке — значит, ему больше сорока лет. Посмотрите на отростки: ни одного лишнего волоска, чистые, жемчужные узлы просто загляденье. Высший сорт! Трехлистник тоже хорош: тринадцать колец, лет пятнадцать ему. Пусть не такой старый, но форма... вылитый старый монах в молитве. За такой корень ценители многое отдадут, чтобы в подарок поднести. Ну а этот — маленькая Три цветка, совсем молодой. Но выкопан просто безупречно.

Вэй Чэн спросил: — Сколько вы сможете предложить за эти три корня?

Управляющая Чжун взглянула на него, потом на младшего. Она помедлила и спросила: — Ты пришел продавать корень, а где же отец?

Юноша замолчал на мгновение. Он приобнял брата и тихо ответил: — У нас нет отца. Он давно погиб. И лягушек, и корень мы добывали сами.

Он чувствовал, что эта женщина — человек с добрым сердцем, и скрывать правду больше не имело смысла. Та не выказала удивления, лишь легонько коснулась его плеча: — Честно говоря, я так и думала. Ни один взрослый не отпустил бы двоих детей с таким сокровищем в руках.

Она задумалась: — Сейчас я всё взвешу и назову цену. Мы работаем не первый раз, и хоть ты еще мал, но рассудителен. Знаешь, что я не из тех, кто обижает слабых. Если цена тебя не устроит, я сама отведу тебя в другую лавку, чтобы вас не обманули.

Вэй Чэн поклонился: — Я полностью доверяю почтенной Чжун.

Женщина улыбнулась, но не успела ответить — подал голос малыш: — Горшочек тоже верит сестрице Чжун! Она — очень хорошая!

Управляющая Чжун легонько откашлялась и поправила прядь волос, пряча улыбку: — Какой славный малый. С тех пор как я вышла замуж, меня редко зовут сестрицей.

— Но вы и есть сестрица! — Горшочек прижался к ноге брата и замахал ручками. — Все, кто красивые — те сестрицы!

Хозяйка лавки рассмеялась от души и пообещала добавить им немного серебра сверх веса. Она принялась взвешивать корни, называя вес и цену, и тут малыш внезапно выхватил свой маленький абак. Не успел мальчик-аптекарь назвать общую сумму, как Горшочек звонко выкрикнул ответ.

Управляющая Чжун была поражена. Она подошла и погладила его по щеке: — Малыш, неужто ты уже и счетом овладел?

Тот послушно ответил: — Дедушка Чэнь научил Горшочка.

Аптекарский мальчик рассмеялся: — Ну, тогда мне надо быть очень внимательным, чтобы такой маленький счетовод не поймал меня на ошибке!

— Будь очень-очень внимательным! — Горшочек свел два пальчика вместе. — Горшочек найдет даже самую крохотную ошибку!

После доброго смеха они перешли к расчетам. В аптечном деле цена зависит не только от веса, но и от характера корня. В итоге за Четырёхлистник дали девяносто три ляна, за Трёхлистник — сорок пять. Молодые Три цветка стоили немного, и за них дали два ляна.

Услышав окончательную сумму, даже невозмутимый Вэй Чэн едва не вскочил с места.

Сто сорок лян! Наконец-то они смогут построить настоящий, крепкий дом! Завести скотину! И оплатить учебу — и себе, и младшему!

— У меня в лавке не хватит наличного серебра, — сказала Управляющая Чжун. — Подождите немного, я пошлю человека домой за деньгами.

Пока они ждали, с улицы внезапно донеслись крики и шум.

— Нельзя продавать, нельзя! Она умерла — и бог с ней, но тебе-то жить надо! Сынок мой, одумайся!

Женщина отодвинула занавес: — Что там происходит?

Вэй Чэн и Горшочек выглянули в щель и замерли. На улице, постаревший больше чем на десять лет, стоял обезумевший от горя Учитель Чжугэ!

<http://bllate.org/book/15346/1415921>